

В работе над этим текстом автор вдохновлялся историями эвакуации и бытования советских психиатрических больниц в годы Великой Отечественной войны (подробнее об этом рассказывается в послесловии). Естественно, вдохновение вдохновением, а текст текстом: все персонажи вымышлены, все события вымышлены, все совпадения случайны; а вот реальные люди, которые спасали и лечили пациентов в это страшное время, — по большей части немислимые герои.

1. Терпентазол

— Не тупите, Сидур, — прокряхтел Борухов, вцепившись в одно из жвал самолетницы: он тянул жвальце на себя, упершись хромой ногой в погнутый фюзеляж. Карманная аптечка мертвого немца уже выпирала у Борухова из-под халата, и доктор Сидоров с неприязнью подумал, что там она наверняка и останется. — Давайте тяните, Сидур, там должна быть основная аптечка, сейчас дождь пойдет.

— Шутка ваша поднадоела, — сказал Сидоров с отворачиванием, но все-таки подошел, оскальзываясь в грязи и крови, и, с усилием отодвинув заораживающей красоты прозрачное, переломанное в трех местах надкрылье бомбардировщицы, все в толстых перламутровых прожилках, плавно переходящих в неживую стальную оболочку кабины, пристроился рядом с Боруховым и стал дергать зазубренное жвало на себя, плечом поминутно поправляя очки с толстенными стеклами.

— Ну, не Сидур, — примирительно сказал Борухов. — Шадур. Симхин. Шнеерзон. Впрочем, это все равно. Судя по тому, что эти твари сделали в Воронежске, им достаточно не вашего профиля, а профиля нашего, так сказать, заведения.

Что это, кстати, за половинчатое решение — «Яков Игоревич»? Сделали бы уже вас Ярославом.

— Про Воронежск — это все слухи, зачем вы повторяете? — сказал Сидоров, слабея ногами.

— Не слухи, и вы это знаете, — прокряхтел Борухов, становясь от натуги пунцовым и продолжая дергать, наваливаться и тянуть.

Внезапно жвальце самолетницы, страшно хрустнув, выломилось из паза, и на воротник грязного халата Борухова, на шерстяное, щегольское синее пальто излилась струя омерзительной бурой жижи. У Сидорова подступило к горлу. Борухов же как ни в чем не бывало втиснул руку в освободившийся паз: ясно было, что пальто теперь так или иначе не жилец. Из-под руки у него сочилось все то же месиво, пахнувшее одновременно машинным маслом и отвратительной нелюдской органикой, и если бы Сидоров знал, каково ему будет от этого запаха, он бы отказался участвовать во всей затее, отказался бы идти с Боруховым (который почему-то упорно тащил за собой именно его, хотя на подвиг, естественно, рвалась дура Милочка Витвитинова, — а с другой стороны, не женщин же звать).

— Нащу-у-упал! — протянул Борухов удовлетворенно и худыми пальцами отщелкнул задвижку кабины пилота. Крошечная форточка распахнулась, отодвинутая пружиной, и стало казаться, будто бомбардировщица, чья оторванная зенитным выстрелом хвостовая часть с витым жалом и погнутыми винтами валялась сейчас за больницей, внезапно приоткрыла раскосый глаз. Борухов пошарил под панелью, что-то нашел, потянул, дернул и вытащил на свет

аккуратно упакованный серый тканевый сверток с красным крестом в белом кругу.

— Откуда вы все это знаете? — спросил Сидоров, борясь с тошнотой.

— У меня сосед авиаконструктор, — ответил Борухов, вытирая аптечку об штаны. — Говорит, наши «хуммелей» против их «хуммелей» — говно.

— Не пиздели бы вы так громко, — прошептал Сидоров в бешенстве.

— Господи, Сидоров, — сказал Борухов, — да теперь уже пизди — не пизди... Ну, давайте смотреть. Боженька, пособи нам, бедным.

В аптечке, среди вполне ожидаемых, но сладостных вещей (Сидоров увидел восемь таблеток траназепама в блестящей конвалюте и жадно вздохнул) были они — два пузырька по 1,0 и маленький шприц. Борухов взял пузырьки в ладонь и сжал, и их стало не видно. Потом разжал ладонь, и их стало видно опять.

— Интересно, почему не одним пузырьком, — сказал Сидоров.

— Небось чтобы если один разобьется, второй был, — сказал Борухов со сложной интонацией. — Заботятся.

— А рассказывали про зуб с цианистым калием, — слабым голосом сказал Сидоров.

— Оно только у высших, наверное, — хмыкнул Борухов и опять сделал так, что пузырьки исчезли.

— Два по кубику — это фактически кому-то курс в вашем детском проколоть. Слабовато, но можно проколоть кому-нибудь. Весом до тридцати килограммов. Свяжской, например... Десять по ноль два...

— Пиздите, пиздите, пиздите, — раздраженно сказал Борухов, сдирая с себя омерзительное теперь пальто и кривой ногой вбивая его в слизкую грязь. — Стойте тихо и делайте вид, что со мной вместе копаетесь в этой хуйне, потому что из окон смотрят. Черт его знает, эта жуткая баба Райсс в курсе, что тут есть, или не в курсе; она в курсе каких-то диких вещей. Я позвал вас, потому что вы жалкий, Сидоров, и мне вас жалко. Слушайте же: один мне, один вам. Шприц тоже мне, он красивый. Вы меня поняли, Сидоров? Они будут тут через пять-шесть дней, не позже.

— Нас эвакуируют, эвакуируют, — сказал Сидоров. — Это немисливо. Сталин знает, что они там творят. Будет приказ нас эвакуировать. И вообще, что вы несете! Они никогда, никогда тут не будут. В Москве! — Сидоров задохнулся и сдавленно сказал: — Вы предатель. Это... Это предательство Родины!

Борухов посмотрел на него внимательно и вдруг погладил по спине, как котенка.

— В вену только не пытайтесь попасть, порвете дрожащими руками, — сказал он. — Колите в бедро, здесь достаточно. Вы меня слышите, Зальцман?

Тогда Сидоров сказал, тяжело дыша, отступая назад к мертвому немцу и взмахивая руками в отсыревшем халате:

— Вы... Я старший медбрат. Мы не просто... Мы теперь госпиталь. Мы еще и военный госпиталь теперь! У нас сто восемьдесят человек! Три отделения плюс госпиталь! У нас детское острое! Я старший медбрат больницы. Это предательство Родины! И у меня есть пистолет... У меня есть пистолет.